

Еве, с любовью и благодарностью

О, прекрасная лилея,
Нет тебя белее,
Нет нежнее твоего сердечка!
Посмотри послушным взглядом,
Будь со мною рядом.
Вот тебе заветное колечко.

Ах вы, милые голубки,
Розовые губки
В лепестках таких благоуханных!
Станешь милой мне женою,
Верною, родною,
Малышей подаришь мне желанных.

Что нам вздорные девчонки,
Дерзкие юбчонки!
Кто поймет красавицу такую!
Парни любят поскромнее —
Чтобы рядом с нею
Жить, ничем на свете не рискуя.

Дж. Х. Грей.

Какие нам нужны девчонки (ок. 1880 г.).

Перевод Светланы Ивановой

Часть 1
УЛИЦЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смотрите под ноги. И не теряйте присутствия духа, оно вам еще пригодится. Город, в который я вас веду, огромен и сложен, и прежде вы в нем не бывали. Вы можете думать, что хорошо его знаете — по другим прочитанным вами книгам, — однако книги эти прислуживались вам, радушничали, принимали вас как своего. Правда же состоит в том, что вы здесь чужой — человек из совершенно иного времени, да и места тоже.

Когда я только еще попалась вам на глаза и вы решились пойти за мной, то, верно, полагали, что просто явитесь сюда и расположитесь как дома. Ну вот вы и здесь. Вам холодно, вас куда-то ведут в полном мраке, вы спотыкаетесь на ухабистой мостовой и ничего вокруг не узнаете. Поглядывая налево-направо, промаргиваясь на ледяном ветру, вы понимаете, что попали на незнакомую улицу с темными домами, полными незнакомых людей.

Да, но ведь вы меня не наобум выбирали. Я пробудила в вас определенные упования. К чему жеманиться: вы рассчитывали, что я удовлетворю все желания, кои вы стыдитесь называть настоящими их именами, или, по малости, помогу вам приятно скоротать время. А теперь вы колеблетесь, все еще держась за меня, но томясь искушением от меня отступить. При первом знакомстве со мной вы не вполне сознавали, какая я все же большая, да и не ждали, что я вцеплюсь в вас так скоро и так основательно. Мокрая ледяная крупа сечет ваши щеки, уколы ее холодны до того, что кажутся жаркими, — как будто горячий ветер бросает вам в лицо угольки. У вас начинает пощипывать уши. Но вы уже позволили сбить вас с прямого пути, и идти на попятный теперь слишком поздно.

Стоит пепельный час ночи, вокруг все исчерна-серо и едва-едва различимо — как слова на уцелевших страницах сожженной рукописи. Почти вслепую вы бредете вперед сквозь дымку выды-

хаемых вами паров, вы все еще следуете за мной. Бульжники, по которым вы ступаете, мокры и грязны, холодный воздух отзывает дешевым джином и неспешно разлагающимся навозом. Где-то неподалеку раздаются приглушенные пьяные голоса, однако то, что удастся вам различить, нисколько не походит на тщательно составленные вступительные речи величественной романтической драмы; и вскоре вы ловите себя на истовой надежде, что обладатели этих голосов не станут к вам приближаться.

Главные персонажи нашей истории, те, с кем вам хочется сойтись поближе, живут далеко отсюда. Они вас не ждут, для них вы — пустое место. Если вы думаете, что они повывлезут из теплых постелей и проделают целые мили ради знакомства с вами, то сильно заблуждаетесь.

Вы, верно, гадаете: зачем же тогда я вас сюда притащила? Зачем откладываю на потом знакомство с людьми, встреч с которыми вы искали? Ответ прост: их слуги даже и на порог вас не пустят.

Вам недостает нужных связей, вот я и привела вас сюда, чтобы вы смогли их приобрести. Человеку, ничего ровно не значащему, предстоит познакомить вас с человеком, не значащим почти ничего, а тому человеку — с другим, и так далее, и так далее, пока наконец вы не сможете переступить потребный вам порог, став уже едва ли не членом живущей за ним семьи.

Потому-то вы и оказались на Черч-лейн, что в Сент-Джайлсе: именно здесь отыскала я нужного вам человека.

Впрочем, должна предупредить — та, с кем я вас сведу, принадлежит к самому дну, низшему из низших. Бедфорд-Сквер и Британский музей со всей их роскошью, быть может, и раскинулись в нескольких сотнях ярдов отсюда, однако Нью-Оксфорд-стрит пролегла между этими местами и теми, точно река, слишком широкая для того, чтобы ее переплыть, а вы оказались не на том берегу. Принц Уэльский, могу вас уверить, ни разу не пожимал руки хотя бы одному из обитателей этой улицы, он даже не кивал мимоходом кому-либо из них и даже проститутку себе здесь под покровом ночи не выбирал. Ибо притом, что шлюх на Черч-лейн проживает больше, чем почти на любой другой лондонской улице, это женщины не того разряда, какой подходит для джентльменов. В конце концов, для тонкого ценителя женщина состоит не из одного лишь тела, и потому нельзя ожидать, что он закроет

глаза на нечистоту здешних постелей, холод очагов, ничтожность убранства комнат и совершенное отсутствие кебов, ждущих его на улице.

Коротко говоря, это совершенно другой мир, в котором преуспевание есть сон об экзотической, далекой, как звезды, стране. Черч-лейн из тех улиц, на которых даже кошки худы и глядят ввалившимися от вечной голодухи глазами; из тех, на которых людей, именующих себя рабочими, никогда ни за какой работой застать невозможно, а так называемые прачки редко что-либо стирают. Благотворителям никакого блага здесь сотворить не удастся, их отсылают восвояси, и они уходят — с сокрушением в сердцах и дерьмом на штиблетах. Образцовый ночлежный дом для Достойных Бедняков, лет двадцать назад открытый под звуки филантропических фанфар, теперь уже перешел в руки сомнительных личностей и обветшал ужасно. Другие дома, еще более престарелые, источают, хоть в них и по два, а то и по три этажа, какой-то подземный душок, как будто их выкопали из огромной ямы, в коей догнивали ископаемые останки забытой цивилизации. Дома столетние кое-как держатся на костылях чугунных труб, их увечья и раны врачуют штукатурными припарками и перевязками из бельевых веревок, латают гнилыми досками. Здешние кровли напоминают безумную свалку, оконные стекла верхних этажей покрыты трещинами и черны, совсем как обстоящая их кирпичная кладка, а небо над ними кажется не столько эфирным, сколько литым — сводчатым потолком, подобным стеклянной крыше фабрики или вокзала железной дороги: во время оно прозрачной и яркой, а ныне затянувшейся грязью.

Впрочем, поскольку вы появились здесь под конец третьего часа морозной ноябрьской ночи, вам не до любования окрестными видами. Главная ваша забота — убраться с холода и из темноты, стать тем, кем вы надеялись стать, когда прибирали меня к рукам: своим в этих местах человеком.

Помимо блеклых газовых фонарей на дальнем углу улицы, вы никаких источников света на Черч-лейн не различаете, но это лишь потому, что глаза ваши привлекли к более ярким, нежели немощные отблески двух горящих за чумазым стеклом свечей, знакам людского бодрствования. Вы явились из мира, где тьму сметают щелчком выключателя, однако это не единственное энер-

гетическое уравнение, какое допускается Жизнью. Возможны и соотношения куда более шаткие.

Пойдемте со мной в комнату, где горит этот немощный свет. Позвольте мне провести вас через заднюю дверь вот этого дома, по нагоняющему клаустрофобию коридору, в котором пахнет медленно обрабатываемым в сито ковром и нечистыми простынями. Позвольте спасти вас от холода. Дорога мне известна.

Смотрите под ноги на ступеньках, тут некоторые подгнили. Я знаю какие, доверьтесь мне. Вы уже вон в какую даль забрели, так почему не пройти чуть дальше? Терпение — добродетель, которую ждет щедрая награда.

Разумеется, в скором времени я вас оставлю — я разве не говорила? Да, как это ни прискорбно. Но оставлю в хороших руках, в превосходных. Вот здесь, в крохотной комнатке, где горит немощный свет, вы и обретете первое из полезных знакомств.

Женщина она милая, вам понравится. А и не понравится, большой беды не будет: вы можете, едва она наставит вас на правильный путь, без лишних треволнений бросить ее. За те пять лет, что она шла по миру самостоятельно, ей ни разу не доводилось и близко подойти к тем леди и джентльменам, в кругу которых вам предстоит возвращаться; она труждается, живет и, вне всяких сомнений, умрет на Черч-лейн, накрепко привязанной к этим трупам.

Подобно многим простолюдинкам, и в особенности проституткам, она носит имя Каролина. Сейчас она — видите? — сидит на корточках у большой фаянсовой чаши, наполненной тепловатой смесью воды, квасцов и цинкового купороса. Орудия странноватым подобием спринцовки, сооруженным из деревянной ложки и старого бинта, она пытается вытравить, вытянуть, словом, как-то истребить то, что лишь несколько минут назад оставил в ней мужчина, с коим вы разминулись всего на секунду. Каролина раз за разом прополаскивает эту штуку, и вода становится все грязнее — верный знак, считает она, что мужское семя кружит теперь скорее в воде, чем в ее теле. Утираясь подолом ночной сорочки, она замечает, что две свечи ее еле тлеют — одна уже обратилась в оплывший пенечек. Не зажечь ли новые?

Что ж, это зависит от того, какой теперь час ночи, а брегета или ходиков у Каролины нет. На Черч-лейн часы имеются лишь у очень немногих. И очень немногие знают, какой нынче год, — как не ведают многие и о том, что со времени, когда небезызвест-

ного еврейского смутьяна отволокли на виселицу, прошло, предположительно, восемнадцать с половиной столетий. Это улица, где люди ложатся спать не в какой-то назначенный час, но когда джин валит их с ног или усталость не позволяет снова лезть в драку. Улица, где люди просыпаются, когда опиум, растворенный в подслащенной воде, которой они поят детишек, оказывается более неспособным присмирять маленьких подлецов. Улица, где слабые заползают в кровати, едва сядет солнце, и лежат без сна, вслушиваясь в шепуршение крыс. Улица, на которой почти совсем не слышны ни колокольный звон, ни рев державных фанфар.

Часы Каролины — это грязное небо с его слабо светящейся начинкой. Слова «три часа ночи» смысла для нее не имеют, зато она в совершенстве изучила взаимные отношения луны и домов по другую сторону улицы. Подступив к окну, она недолгое время пытается различить сквозь намерзшую на стекло грязь хоть что-то, потом поворачивает шпингалет и распахивает окно. Громкий хруст наполняет ее мгновенным испугом — не треснуло ли стекло? — но это лишь хруст льда. Маленькие осколки его осыпаются вниз, на улицу.

Тот же ветер, что оледенил стекло, набрасывается на полунагое тело Каролины, норовя обратить пленку испарины на ее покрытой гусиной кожей груди в посверкивающий иней. Она собирает в кулак обтрепанный ворот просторной ночной сорочки и прижимает его к шее, чувствуя, как под нажимом предплечья твердеет сосок.

Снаружи — почти полная тьма, ближайший уличный фонарь горит в полудюжине домов отсюда. Булыжная мостовая Черчлейн уже не белеет снегом, дождь с крупной оставили от него лишь комья да талые полосы, похожие на чудовищные выплески семени. Все остальное черно.

Вам, стоящему, затаив дыхание, у нее за спиной, наружный мир кажется запустелым, однако Каролина знает, что в нем, скорее всего, не спят и другие женщины ее пошиба, как равно и всякого рода золотари, сторожа и воры; да и здешний провизор держит свое заведение открытым всю ночь — на случай, если кому-то понадобится настойка опия. А еще на улицах можно наткнуться на забулдыг — заснувших, не допев песни, на ходу или умирающих от холода — и, да, конечно, на распутников, блуждающих в поисках дешевой девки.

Каролина раздумывает — может, ей стоит одеться, укутаться в шаль и пойти попытать счастья на ближних улицах. У нее туговато с деньгами, большую часть дня она проспала, а после отвергла охотливого клиента — не понравилось его обличье, подозрительное в рассуждении сифилиса, — и теперь она жалеет об этом. Могла бы уж и понять — дожидаться, когда к тебе заявится мужчина безупречный во всех отношениях, дело пустое.

Однако, если она выйдет сейчас из дома, ей придется зажечь две свежих свечи, а они у Каролины последние. Да и погода уж больно мерзка: так вот покувыркаешься в постели, распаришься, а после выскочишь на холод — и пиши пропало: студент-медик сказал ей однажды, натягивая штаны, что это верный способ подхватить пневмонию. А к пневмонии Каролина относится с немалым почтением, хоть и путает ее с холерой и полагает, что если принять побольше джина с бромидом, то ничего, обойдется.

Бояться Джека-потрошителя ей не приходится, его еще четырнадцать лет дожидаться, а к тому времени, как он объявится, Каролина уже умрет от причин более-менее натуральных. Опять же, и Сент-Джайлс будет ему неинтересен. Я уже говорила, кажется, что под самый конец я вас с ним познакомлю.

Особенно гнусный порыв ветра заставляет ее захлопнуть окно, вновь закупорив себя в похожей на ящик коммоденке, которой Каролина не владеет и которую, сказать по правде, даже не снимает. Выглядеть ленивой шлюшкой ей нисколько не хочется, поэтому она что есть сил старается вообразить, как прогуливается, соорудив загадочное лицо, по окрестным улочкам, как вполне приемлемый клиент, выступив из темноты, говорит ей: красавица. Нет, не выходит.

Каролина прихватывает в ладони плотные пряди волос, протирает ими лицо. Волосы у нее до того густые и темные, что говорят, будто и грубейшие из мужланов не могли на них налюбоваться. Они шелковисты и приятно согревают ей щеки и веки. Но, отведя их от лица, Каролина обнаруживает, что одна свеча уже потонула в лужице сала, между тем как другая еще усиливается сохранять свой пламенный венчик. Ничего не попишешь, приходится признать, что день закончился, а с ним и ее дневные прибитки.

В углу пустой почти во всех иных отношениях комнаты стоит продавленная кровать, вся в складках, полурастерзанная, будто

забинтованная конечность, которой по неразумию воспользовались для исполнения грубой и грязной работы. Пришло наконец время использовать эту кровать и для сна. Каролина осторожно, стараясь не продрать каблуками заляпанную слизью простынку, забирается под одеяла. Высокие башмачки она стянет после, когда согреется и смирится с мыслью о том, что надо бы расстегнуть кнопки, тянущиеся вдоль каждого длинной цепочкой.

Последняя свечка гаснет прежде, чем Каролина успевает склониться над ней и задуть, и женщина откидывает голову на пропахшую джином и чужим потом подушку.

Можете больше не прятаться. Устраивайтесь поудобнее, все равно в комнате стоит кромешная тьма — и будет стоять, пока не взойдет солнце. Можете даже рискнуть, если желаете, и прилечь рядом с Каролиной, потому что, заснув, она спит как мертвая и вас не заметит — вы только постарайтесь не касаться ее.

Да, все верно. Она уже спит. Приподымите краешек одеяла, устройтесь под ним. Даже если вы женщина, не важно — в эти дни и в этот век женщинам часто случается спать в одной постели. Если же вы мужчина, не важно тем более — до вас под этими одеялами их перебивали сотни.

А вот перед самым рассветом — Каролина будет еще спать рядом с вами, а в комнате, вне одеял, установятся едва ли не заморозки — вам лучше бы выбраться из постели.

Нет, я понимаю, у вас впереди долгий, тяжелый путь, однако Каролина того и гляди проснется — резко, испуганно, — и в этот миг с ней рядом лучше не лежать.

Воспользуйтесь этой минутой, чтобы запечатлеть в памяти комнату: ее ничтожные размеры, покоробившийся от сырости пол и почерневший от чада свечей потолок, стоящий в ней запах воска, мужского семени и прогорклого пота. Постарайтесь запомнить ее получше, а то ведь забудете, едва перебравшись в другие, лучшие комнаты, где пахнет сухими цветами, жареным барашком и дымом сигар, в просторные покои с высокими потолками, такие же нарядные, как узоры их стеновых обоев. Вслушайтесь в суетливую возню под плинтусами, в тихое, даже смешное немного поскуливание спящей Каролины...

Чудовищный скрежет, удар какой-то железной и деревянной громады о камень пробуждает ее от сна. В ужасе выскакивает она

из постели, бия, точно крылами, простынями по воздуху. Скрежет длится еще пару секунд, а после сменяется шумом, менее страшным, смесью лошадиного ржания и человеческой брани.

Каролина уже стоит у окна, как и каждый почти обитатель Черч-лейн. Встревоженная, недоумевающая, вглядывается она в сумрак, пытаясь понять, что за беда такая стряслась и где. Не у ее порога, нет — дальше по улице, почти у освещенного фонарным светом уличного угла лежат останки экипажа, хэнсома, они еще содрогаются и осыпаются, пока извозчик обрезает постромки ошалевшей от ужаса лошади.

Расстояние и мрак мешают Каролине различить подробности. Ей и хотелось бы подальше высунуться из окна, но порывы ледяного ветра загоняют ее обратно в комнату. Она начинает на ощупь отыскивать одежду — под разбросанными простынями, под кроватью, во всех тех местах, в какие мог забросить их ударом ноги последний гость. (На самом-то деле ей необходимы очки. Да только очков у нее отродясь не бывало. Время от времени они появляются на барахолках, и Каролина их примеряет, однако, хоть они ей и по карману, пригодных для ее глаз найти пока что не удалось.)

Когда она, закутавшаяся в плед и уже совершенно проснувшаяся, возвращается к окну, события успевают продвинуться на удивление далеко. Вокруг руин экипажа во множестве толкуются полисмены с зажженными фонарями. В крытую повозку забрасывают какой-то большой мешок, а возможно, и тело. Извозчик, отклоняя приглашения забраться туда же, обходит кругами свой дыбом стоящий экипаж, дергая его за одно, за другое, словно в попытках понять, что еще может от него отвалиться. Лошадь, уже успокоившаяся, стоит за двумя впряженными в полицейскую повозку кобылами, принохиваясь к их подхвостьям.

Проходит еще несколько минут, и, пока над Сент-Джайлсом поднимается блеклое солнце, все завершается. Живой возница и мертвый пассажир, погромыхивая, отъезжают от потерпевшего крушение экипажа. Разбитые в щепу колесные спицы и осколки стекла в окошках кеба стыннут в воздухе, как изваяния.

Взглянув по-над плечом Каролины, вы можете счесть, что смотреть больше не на что, однако она остается стоять у окна, точно загипнотизированная, — локти уперты в подоконник, пле-

чи не пошевелиятся. На руину она больше не смотрит, взгляд ее приковали фронтоны по другую сторону улицы.

В их окнах виднеются лица. Лица безмолвных детей, стоящих по одному или группками, похожих на лежалые сладости в витрине давно закрытой лавки. Дети вглядываются в экипаж, ожидая чего-то. А после, все разом, словно у них условлено было, сколько секунд должно пройти после того, как извозчик скроется за углом, белые лица исчезают из виду.

Внизу, на улице, распаивается дверь, и из нее крысиной пробежкой выскакивают два пострела. Один облачен всего лишь в отцовские башмаки, драные короткие штаны и шаль, другой бос, на нем ночная рубашка и пальтецо. Руки и ноги обоих буры и крепки, точно песьи лапы, детские еще лица обезображены дурным обхождением.

Их влечет к себе остов и оболочка кеба, и оба сорванца, подлетев к нему без каких-либо стеснительных оглядок, с ребяческим энтузиазмом набрасываются на покалеченный экипаж. Малые руки их выдирают из треснувшего колеса спицы и принимаются орудовать ими как ломиками и стамесками. Металлические окантовки и деревянные планки, треща, поддаются и выламываются; на фонари и дверные шишаки сыплется град ударов, их выкручивают и тянут.

Из прочих грязных подъездов высыпают все новые дети, им тоже нужна своя доля. Те, у кого есть рукава, закатывают их, прочие берутся за дело без промедления. Руки их сильны, брови насулены, но всем им не больше лет восьми-девяти; да, конечно, каждый из жителей Черч-лейн теперь уже на ногах, однако время на то, чтобы обдирать экипаж, имеется лишь у этих малых детей. Все остальные либо пьяны, либо заняты приготовлениями к долгой дневной работе — и долгому походу в места, где ее можно найти.

Вскоре кеб уже облеплен Недостойными Бедняками, и каждый норовит урвать что-либо ценное. А ценно в хэнсоме практически все, поскольку сооружали его для представителей касты, стоящей в обществе намного выше этих детей. Корпус кеба изготовлен из таких редкостных материалов, как железо, медь, доброе сухое дерево, кожа, стекло, фетр, проволока и веревки. Даже набивку сидений можно пустить на подушки, значительно превосходящие качеством многожды сложенный картофельный ме-

шок. Не произнося ни слова, каждое дитя — в зависимости от того, каким орудием и обувкой оно располагает, — долбит и молотит, дергает и бьет, и сухое эхо летит по резкому воздуху, и остов хэнсома подрагивает на булыжной мостовой.

Дети знают — времени у них мало, выясняется, впрочем, что его даже меньше, чем они полагали. После первого их нападения на обломки проходит едва ли больше пятнадцати минут, а из-за угла уже выворачивает и с грохотом катит по улице двуконная подвода пивовара. Весь ее груз — это извозчик и троица его весьма мускулистых приятелей.

Большая часть детей немедля разбегаются по домам, унося охапки щепы и обломков, самые же дерзкие медлят еще пару секунд, пока гневные крики «Пшли!» и «Ворюги!» не вынуждают и их броситься врассыпную. Ко времени, когда подвода достигает места крушения, Черч-лейн пустеет снова, фронтоны домов ее снова глядят непорочно и хмуро, окна снова наполняются лицами.

Четверо мужчин соскакивают на мостовую и медленно обходят кеб, кто по часовой стрелке, кто против, разминая толстые руки, поводя мясистыми плечами. Затем они по сигналу извозчика берутся за четыре угла экипажа и одним рывком, побрякивая, грузят его на подводу. Кеб встает более-менее прямо, два его колеса уже обратились в добычу мародеров.

На сбор мелких обломков эти люди времени не тратят. Лошади, получив удар кнутом, всхрапывают, выпускают клуб пара и трогают, трое подсобников извозчика запрыгивают на подводу и ухватываются устойчивости ради за искалеченный кеб; да и сам извозчик, помедливший лишь для того, чтобы погрозить кулаком глядящим из окон стервятникам и крикнуть: «Это была вся моя жизнь!», тоже влезает на подводу, и она уезжает.

Мелодраматический жест извозчика ни на кого впечатления не производит. На взгляд обитателей Черч-лейн, ему еще повезло — остался цел, ну и скажи спасибо. Ибо, когда подвода, громыхая, отправляется в путь, между булыжниками обнаруживаются смахивающие на багровый вьюнок потеки темной крови.

Оттуда, где вы стоите, не составляет труда различить дрожь омерзения, пробегающую между лопатками Каролины: она боится крови, да и всегда боялась. На миг начинает казаться, что она сейчас отойдет от окна, но Каролина лишь распрямляется,

резко встряхивается, сгоняя гусиную кожу, и снова облакачивается о подоконник.

Подвода скрылась из виду, двери домов распахиваются одна за другой, на улице появляются люди. На сей раз не дети, а взрослые — то есть те обладатели заскорузлых душ, коим уже исполнилось десять. Одни, располагающие возможностью потратить секунду-другую, — расклейщик афиш, уличный метельщик, продавец бумажных мельниц — останавливаются, глаза на кровь, другие торопливо проходят мимо, обертывая тощие шеи шальями или шарфами, доглатывая последние корки завтрака. Для тех, кто трудится на фабриках и в торгующих дешевой одеждой лавчонках, опоздание равносильно мгновенному увольнению; да и тем, кто ищет на день работу «временную», не улыбается, потратив это самое время попусту и явившись на биржу труда, обнаружить, что пятьдесят человек из очереди уже остались ни с чем, а работу получили те, кто порасторопнее.

Каролина снова вздрагивает, на этот раз от давних воспоминаний. Ибо и она была когда-то одной из таких рабов и рабынь, что ни утро спешивших в сереньких сумерках и плакавших от усталости каждую ночь. Даже и ныне — время от времени, когда она выпивает лишнего и проваливается в слишком глубокий сон, — бессмысленные ошметки прежней привычки пробуждают ее к часу, в который должно бежать на фабрику. Переполошившись, едва сознавая себя самою, она, совершенно как прежде, выбрасывает тело из постели на голый пол. И лишь доковыляв до стула, с которого полагается свисать наготове ее ситцевому рабочему халату, и халата не обнаружив, Каролина вспоминает, кем стала, и ковыляет назад к теплу постели.

Впрочем, сегодняшний несчастный случай пробудил ее настолько, что попытки поспать еще немного утратили всякий смысл. Можно будет попытаться сделать это после полудня — собственно, попытаться необходимо, иначе она рискует заснуть ночью бок о бок с каким-нибудь храпящим идиотом. Простой перепих — это одно, но позволь мужику хоть раз отоспаться рядом с тобой, и он решит, что вправе притащить к тебе свою собаку и своих голубей.

Делай то, делай это. Высыпайся как следует, не забывай расчесывать волосы, подмываться после каждого мужчины: все это обыкновения, коими ей теперь пренебрегать не след. В сравнении

с бременем, которое Каролина разделяла когда-то с товарками по фабрике, они не столь уж и тягостны. Ну а работа, что ж... она хотя бы не так грязна, как фабричная, не так опасна, не так заунывна. Ценой своей бессмертной души Каролина получила право валяться будними утрами в постели и вылезать из нее по собственному, черт вас всех подери, почину.

Она стоит у окна, наблюдая, как Нелли Гриффитс и старая миссис Малвени трусят по улице, направляясь на производящую джем фабрику. Несчастные, неказистые курицы: они проводят дневные часы в палящем чаду, почти ничего за это не получая, а после возвращаются домой, и пьяные мужья мордуют их, гоняя от стенки к стенке. Если это и означает быть «честной» женщиной, а Каролина, предположительно, женщина «падшая»!.. Да для чего же Господь и проделал в бабе лишнюю дырку, как не для того, чтобы избавить ее от ишачьей работы?

Существует, впрочем, одно незначительное обстоятельство, заставляющее Каролину отчасти завидовать этим женщинам, ощущать легкую ностальгическую боль. У Нелли и у миссис Малвени есть дети — и у Каролины был когда-то ребенок, она лишилась его, а рожать другого теперь никогда уж не станет. И не то чтобы дитя ее было внебрачным щенком, нет, его зачали в счастливом супружестве, в прекрасной деревушке Северного Йоркшира — впрочем, ни того ни другой в нынешнем ее мире больше не существует. И возможно, искалеченное нутро Каролины уже не способно породить на свет новое дитя, и вся ее возня с квасцами и купоросом так же бессмысленна, как молитва.

Сейчас ее сыну, если б он выжил, было бы восемь лет, а он, глядишь, и выжил бы, останься Каролина в деревне Грассингтон. Однако она, рано овдовевшая, предпочла уехать с сыном в Лондон, потому что в соседнем городке Скиптоне работы для мало чему обученной женщины не находилось, а необходимость жить на подачки свекрови представлялась ей невыносимой.

Вот потому Каролина с сыном и сели в поезд и покатали навстречу новой жизни — билеты она приобрела не до Лидса или Манчестера, ибо имела причины полагать, что города эти дурны и опасны, но до столицы всего цивилизованного мира. К провинциальной шляпке Каролины были приколоты изнутри восемь фунтов — сумма очень не малая, достаточная для оплаты крова и пропитания на протяжении нескольких месяцев. Мысль об этом

могла бы и утешать ее, но вместо того Каролина на всем пути до Лондона терзалась головной болью — такой, точно тяжесть этих банкнот грозила того и гляди переломить ей шею. Ее изводила потребность потратить свое состояние сию же минуту — лишь бы избавиться от страха его потерять.

По приезде в столицу, всего через несколько дней, ей помогли разрешить это затруднение. Известная фирма, пошив готового платья, столь высоко оценила достойные качества Каролины, что подрядила ее шить на дому жилеты и панталоны. Фирма готова была предоставлять ей все потребные материалы, однако требовала пять фунтов залога. Когда Каролина осмелилась высказать мнение, что пять фунтов — сумма слишком большая, мужчина, нанимавший ее, с ней согласился, заверив Каролину, что не сам он таковую назначил. Не приходится сомневаться, что управляющий фирмой разочаровался в поведении бесчестных людей, коих нанимал во времена более снисходительные: многие ярды наилучшего качества ткани уворовывались и всплывали на барахолках лишь для того, чтобы затем обратиться в лохмотья на телах уличных шкодников. Не согласится ли Каролина с тем, что такая картина способна отрезвить всякого делового человека, сколь бы щедр и доверчив он по природе своей ни был?

Что ж, Каролина с тем согласилась — тогда; она была женщиной добропорядочной, сын ее на шкодника нисколько не походил, да и сама Каролина почитала себя обитательницей того самого мира, каковой норovil уберечь от беды ее наниматель. И потому она рассталась с пятью фунтами и вступила на стезю изготовительницы жилетов и панталон.

Работа оказалась довольно легкой и (как представлялось Каролине) прилично оплачиваемой; за несколько недель она зарабатывала шесть шиллингов, а то и больше, из коих, впрочем, вычиталась стоимость хлопковой ткани, угля для утюга и свечей. На свечах Каролина не выгадывала, ей не хотелось обратиться в подслеповатую портниху, которая, сидя в сумерках у окна, щурится, вглядываясь в свою работу; она жалела швей, панегириком коим стала «Песня о рубашке»¹, — примерно так же, как благополучный лавочник может жалеть оборванного уличного торговца. Более чем сознавая, сколь низко пала она в этом мире, недоволь-

¹ Стихотворение Томаса Гуда (1799–1845).

ной своей жизнью Каролина не была — еды и ей, и ее мальчику хватало, жилье их на Читти-стрит было опрятным и чистым, а будучи женщиной безмужней, Каролина имела возможность расходовать свои средства с разумной осмотрительностью.

Затем настала зима, и ребенок, разумеется, заболел. Выхаживая его, она теряла бесценное время, в частности светлые часы, и когда сын пошел наконец на поправку, у Каролины уже не осталось выбора, ей пришлось прибегнуть к его помощи.

— Ты должен стать моим большим, храбрым мужчиной, — сказала она сыну, покраснев, глядя в сторону — на единственную свечу, освещавшую их сумрачные труды. Ни одно предложение из тех, что ей приходилось делать в последующие годы, не было постыднее этого.

Так мать и сын стали компаньонами. Прислонясь к ногам Каролины, ребенок складывал и проглаживал сшитую ею одежду. Она пыталась обратить это в игру, побуждая сына воображать длинную очередь голых, дрожащих в ожидании своих штанов джентльменов. Однако с работой она запаздывала все пуще, а мальчик ее все чаще задремывал и падал носом вперед, и, чтобы он не обжегся об утюг (или не прожжет ткань), ей пришлось булавкой прикалывать к своему подолу спинку его рубашки.

Горестное сорабничество их продлилось недолго. Дюжины жилетов еще ожидали своей очереди, а рывки, испытываемые ее подолом, участились настолько, что стало ясно — мальчик не просто устал: он умирает.

И Каролина пошла к нанимателю, чтобы забрать свой залог. Вышла она от него с двумя фунтами тремя шиллингами и тошнотворным, бессильным гневом, не покидавшим ее целый месяц.

Денег этих хватило на срок чуть более долгий, и когда здоровье ребенка удалось с помощью врача отчасти подправить, Каролина отыскала работу в потогонной шляпной мастерской — она там натягивала квадратики ткани на пыхавшие паром железные болванки. Целыми днями Каролина отправляла темные, поблескивающие, обжигающе горячие шляпы дальше по веренице женщин, словно передавая тарелки с едой в немисливо пропаренной кухне. А ребенок (простите мне эту безликость: Каролина имени его больше не произносит) проводил те дни запертым в их убогом новом жилище — с раскрашенным мячиком и бристольски-

ми игрушками, томясь от болезни и горестного безотцовства. Он вечно капризничал, нюнил по пустякам, словно подстрекая ее к вспышкам гнева.

А затем, в одну из ночей под конец зимы, мальчик раскашлялся и засипел, точно помешавшийся кутенок-терьер. Ночь эта была подобна той, какую переживаем сейчас мы с вами, — холодной и слякотной. Опасаясь, что ни один доктор не согласится — в такой час и в такую погоду — пойти с ней без всякой платы в ее жилище, Каролина составила план. О да, ей доводилось слышать о добрых, преданных своему призванию докторях, готовых отправляться в трущобы, дабы сразиться там с их древним врагом — Недугом, однако за все проведенное ею в Лондоне время ни разу, сколько ей помнилось, такого не встретила и потому решила, что для начала правильной будет пойти на обман. Каролина облачилась в лучший свой наряд (с лифом, пошитым из украденного с фабрики фетра) и вывела сына на улицу.

План ее был таков: обмануть жившего к ней ближе прочих врача, уверив его, что в Лондоне она совсем недавно, семейным доктором покамест не обзавелась, вечер этот провела на театре и, лишь вернувшись домой и обнаружив там впавшую в отчаяние няньку сына, узнала, что он заболел, после чего остановила первый попавшийся кеб, — что же до оплаты услуг доктора, то дело за ней не станет.

— А доктор нас не прогонит? — спросил сын, попав, как всегда, в самую точку, в средоточие наихудших ее опасений.

— Шевели ногами, — вот все, что смогла ответить Каролина.

Ко времени, когда они отыскиали дом с горевшим на фронтоном овальным фонарем, мальчик сипел уже так, что Каролина наполовину обезумела и руки ее тряслись от желания пронзить его маленькое горло, чтобы бедняжка мог подышать хоть немного. Вместо этого она позвякала дверным колокольчиком доктора.

Спустя минуто-другую на пороге возник мужчина в ночной сорочке, ничем не похожий ни на одного из знакомых Каролине докторов, да и пахнувший вовсе не так, как они.

— Сэр, — сказала она, изо всех сил стараясь изгнать из голоса страх и провинциальную картавость. — Моему сыну нужен врач.

С мгновение он оглядывал ее с головы до ног — давно вышедший из моды одноцветный наряд, пленку изморози на щеках

и грязь на башмачках. Потом знаком предложил войти в дом, улыбнулся и, положив широкую ладонь на плечо мальчика, сказал:

— Подумать только, какое счастливое совпадение, — а мне как раз нужна женщина.

Пять лет спустя Каролина, сонно переходя свою спальню, больно ударяется пальцами босой ступни о большой фаянсовый таз, и это пробуждает в ней желание привести спальню в порядок. Она аккуратно переливает уже начавший подкисать противозачаточный настой в ночной горшок, глядя, как зачатки потомства еще одного мужика смешиваются с мочой. Взгромоздив наполнившийся горшок на подоконник, распахивает окно. На сей раз хруста ледяной корки не слышно, да и воздух тих и спокоен. Каролине хочется просто выплеснуть жижу, однако в последнее время по здешним местам шастает санитарный инспектор, напоминая всем и всякому, что нынче у нас девятнадцатый век, не восемнадцатый, и грозя выселением. Черч-лейн кишит ирландскими католиками — злопамятные сплетники, все до единого, — и Каролина вовсе не желает, чтобы они обвинили ее, помимо всего прочего, еще и в пособничестве холере.

И потому она медленно наклоняет горшок от себя, и жижа сдержанной струйкой стекает по кирпичной кладке. Какое-то время дом будет выглядеть так, точно на него облегчился сам Господь, однако, прежде чем соседи проснутся, следы содеянного Каролиной так или иначе исчезнут — их либо высушит солнце, либо запорошит снег.

Теперь Каролину донимает голод — да такой, что у нее даже живот сводит, даром что обычно она поднимается много, много позже. Она замечала это и раньше: если просыпаешься слишком рано, помираешь от голода, а если попозже, то ничего, хотя по прошествии какого-то времени голод одолевает тебя опять. Наверное, пока ты спишь, надобности и желания приходят и уходят, скуля под дверьми сознания и требуя немедленного удовлетворения, а затем на время пропадают и вовсе. Глубокий мыслитель, так называл ее муж. Впрочем, чрезмерная образованность принесла бы Каролине больше вреда, чем пользы.

В животе ее что-то повизгивает на поросячий манер. Она усмехается и решает подивить Эппи ранним визитом в «Матушкино объяденье». Украсить улыбкой его корявую физиономию и облажить пирогом свой живот.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. УЛИЦЫ	9
Часть 2. ДОМ ГРЕХА	159
Часть 3. ЧАСТНЫЕ ЖИЛИЩА, ЛЮДНЫЕ СБОРИЩА	337
Часть 4. В КРУГУ СЕМЬИ	597
Часть 5. В БОЛЬШОМ МИРЕ	781